

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892>

Шифр научной специальности 5.9.5



Наименования частей тела человека в русских говорах Симбирского Поволжья

Янина Валерьевна Мызникова

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
 y.myznikova@spbu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Представлено исследование наименований частей тела в русских говорах Ульяновской области. Значимость соматизмов определяется тем, что это наиболее древний и устойчивый пласт основного словарного фонда языка. Изучение данной группы лексики позволяет выявить связанные с телом представления и стереотипы, которые нашли отражение в русской языковой картине мира. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В исследовании соматизмов применялись когнитивный, функциональный подходы, а также контекстуальные методики сбора и анализа материала. Анализ собранных в Симбирском Поволжье полевых данных, а также лексикографических источников позволил выявить специализацию диалектных и общерусских лексем. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В исследовании показано, что в нейтральных речевых контекстах достаточно редко удается зафиксировать какие-либо слова, отличные от литературных наименований частей тела. Для фиксации диалектных лексем необходимы типизированные речевые ситуации, когда диалектоноситель реагирует экспрессивным высказыванием. Опыт сбора и анализа такого рода лексики в Симбирском Поволжье показал, что нейтральные в эмоциональном отношении наименования частей тела диалектного характера являются единичными. При этом экспрессивное использование соматизмов, как правило, ограничивается рамками определенных устойчивых конструкций с вариативными компонентами (*куда тянемь (суешь) свои пакии (краги, чапки), убери (подвинь) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы)* и т. д.). **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Наибольшее число диалектизмов отмечено среди экспрессивных наименований рук, ног, живота, рта, губ. При этом очень часто в типизированных речевых оборотах с экспрессивными номинациями частей тела используется общеупотребительная просторечная лексика.

Ключевые слова: русские говоры, диалектная лексика, соматическая лексика, экспрессивная лексика, заимствование, просторечие, субстратная лексика

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Я.В. Мызникова – постановка проблемы исследования, сбор и анализ материала, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мызникова Я.В. Наименования частей тела человека в русских говорах Симбирского Поволжья // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 879-892. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892>

OECD 6.02; ASJC 1203



Names of human body parts in Russian dialects of the Simbirsk Volga region

Yanina V. Myznikova

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

y.myznikova@spbu.ru

Abstract

INTRODUCTION. A study of body part names in Russian dialects of the Ulyanovsk region is presented. The significance of somatisms is determined by the fact that this is the most ancient and stable layer of the basic vocabulary of the language. The study of this group of vocabulary allows us to identify body-related ideas and stereotypes that are reflected in the Russian linguistic view of the world. MATERIALS AND METHODS. The study of somatisms utilized cognitive and functional approaches, as well as contextual methods of data collection and analysis. Analysis of field data collected in the Simbirsk Volga region, as well as lexicographic sources, allowed us to identify the specialization of dialectal and common Russian lexemes. RESULTS AND DISCUSSION. The study shows that in neutral speech contexts, it is quite rare to fix any words other than literary names for body parts. To record dialectal lexemes, typical speech situations are required, where the dialect speaker responds with an expressive utterance. Experience in collecting and analyzing this type of vocabulary in the Simbirsk Volga region has shown that emotionally neutral dialectal names for body parts are quite rare. Moreover, the expressive use of somatic expressions is generally limited to certain fixed constructions with variable components (*kuda tyanesh (suyosh) svoyi pakshi (kragi, tsapki), uberi (podvin) lapy (kopyta, zherdi, lytki, mosly)*, etc.). CONCLUSION. The greatest number of dialectal words was found among expressive nouns for arms, legs, stomach, mouth, and lips. However, typical speech patterns with expressive nominations of body parts often use common vernacular vocabulary.

Keywords: Russian dialects, dialectal vocabulary, somatic vocabulary, expressive vocabulary, borrowing, colloquialism, substrate vocabulary

Funding. This study received no external funding.

Author's Contribution: Y.V. Myznikova – research problem statement, data collection and analysis, final conclusions formulating, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Myznikova, Y.V. Names of human body parts in Russian dialects of the Simbirsk Volga region. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):879-892. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892>

ВВЕДЕНИЕ

Соматическая лексика является частью основного словарного фонда любого языка, древнейшим пластом словарного состава, его наиболее стабильной частью. При этом исследователи-диалектологи отмечают специфику соматической лексики в русских народных говорах, ведь она выявляет пред-

ставления человека о себе, как о естественной части окружающего мира [1, с. 36]. Изучение данной группы лексики в говорах показывает необходимость применения не только традиционных методов анализа тематической группы слов, но и других подходов, выявляющих специфику лексем именно этой сферы. Укажем часто применяемый исследователями соматизмов когнитивный подход,

кроме того, принципиально важный для данной группы функциональный подход, а также методики контекстуального анализа. Комплексный антропоцентрический подход к изучению традиционных представлений русских о человеке и его теле применяется в монографии Н.Е. Мазаловой [2].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Как предполагает В.Н. Гришанова, в названиях частей тела животного и человека первоначально или не было различия, или происходил перенос названия с животного на человека, так как он осознавал себя частью живой природы. «Неотделимость человека от окружающей природы, анатомическая невыделенность его среди других живых существ как свойство древнего мировосприятия остали следы в диалектной речи» [3, с. 60-61]. Ощущая себя единственным целым с природой, человек давал параллельные названия частям тел животных и подобным же частям своего тела (*морда, коготь, лапа, хвост, клешня*). Как считает Т.Е. Никулина, в диалектных системах указанные слова «законсервировали» свои значения. В литературном же языке произошло разделение анатомических наименований для человека и животных, в связи с чем указанные лексемы ушли на периферию, получили просторечную окраску и даже бранные коннотации [4, с. 311]. Указанные наименования, имеющие в настоящее время статус просторечных, в говорах можно расценивать как семантические диалектизмы, не имеющие стилистических вариантов [3, с. 62].

М.О. Леонтьева рассматривает соматическую лексику Русского Севера в функциональном аспекте и приходит к выводу: «Потребность номинаторов-диалектоносителей в обозначении частей тела во многом «покрываются» общенародной лексикой, а ресурсы собственно диалектной речи используются для того, чтобы отразить специализацию частей тела в условиях окружающего быта, «ущербность» отдельных органов или их болезненность» [5, с. 63]. Исследователь задаётся вопросом о том, чем обусловлено появление «избыточных» обозначений тех частей тела, которые уже имеют общенародное на-

именование. В качестве одной из основных причин М.О. Леонтьева указывает потребность языка в экспрессивах, в первую очередь, для тех частей тела, которые несут наибольшую функциональную нагрузку (глаза, руки, ноги, голова, рот). Также исследователь указывает на важность для носителей говоров в специальных наименований определённых рабочих частей тела (например, верхней части спины, лопаток) или чем-либо выделяющихся частей тела (например, толстого живота) [5, с. 59-61]. Наконец, учёный обращает внимание на привязку таких экспрессивных соматизмов к определённым контекстам «в составе однотипных возгласов, цель которых – одёрнуть собеседника, неумело выполняющего какую-либо работу, бездельничающего или ведущего себя неподобающим образом: «Ну и покалоки у тебя!» [5, с. 62].

Материалом для данного исследования послужили записи автора, сделанные во время диалектологических экспедиций с 2012 по 2024 г. в населённых пунктах Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Сурского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также фрагменты диалектной речи из коллективной монографии «Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (Москва, 2012). Замечание М.О. Леонтьевой относительно контекстов или типизированных речевых ситуаций, когда говорящий-диалектоноситель реагирует экспрессивным высказыванием на взгляд собеседника, его неопрятную внешность, неумелые действия, является важным в методическом отношении при выработке принципов полевого сбора соматической лексики, так как в нейтральных речевых контекстах значительно реже удается зафиксировать какие-либо слова, отличные от литературных наименований частей тела. Таким образом, в исследовании соматизмов применяются когнитивный, функциональный подходы, а также контекстуальные методики сбора и анализа материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт сбора такого рода лексики в Ульяновской области показал, что нейтральные в

эмоционально-экспрессивном отношении наименования диалектного (или просторечного) характера в сфере соматической лексики являются единичными. В наших материалах это ряд лексем, относящихся к наименованиям **спины, позвоночника, дыхательной и кровеносной систем**:

закёрки ‘плечи’: *Ребёнка посадил на закорки.* Крестово-Городище Чердаклин.; лексема приводится в БАС с пометой *Простореч.* и значением ‘верхняя часть спины; заплечье’¹;

остов ‘позвоночник’: *Если так фспомнит' пра пазваночник, остов он вроде был, держал фсё.* Барановка Николаев.; лексема приводится в БАС в значении ‘скелет, кость’²; зафиксирована в СРНГ в значении ‘спина’³;

прозвоночник ‘позвоночник’: *Празвончик тут, лопатки, рёбры пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в СРНГ с пометами Вост. Закамье, Свердл., Р. Урал, Новосиб.⁴;

звонок ‘позвонок’: *Пръзвоночник – эт у меня мама так гъворила, звонки, он из звонкоф.* Рязаново Мелекес.; не зафиксирована в БАС и в СРНГ;

каряз ‘спина, поясница’: *Фспомнила я, как спину ран'шэ называли – каряс: ой, каряс балит!* Эта паясница, паясница называлас’ каряс. Эт вот Мишка наши гъварил, он в бал’ницы лежал, гъварил: я с карязникими лежжу. Барановка Николаев.

дыхалка ‘лёгкие’: *Дыхалка у меня слабовата.* Крестово-Городище Чердаклин.; в БАС имеется лексема *дыхало* с указанием «*В просторечии. Дыхательное горло*»⁵;

жыла ‘кровеносный сосуд: артерия, вена’: *Ран'шэ-ть гъворили, что кроф' течот по жылам.* Рязаново Мелекес.; приводится в

БАС как общеупотребительное название кровеносного сосуда⁶.

Из других неэкспрессивных наименований укажем зафиксированную в селе Телятниково Николаевской области субстратную лексику мордовского (эрзя) происхождения: *пильге* ‘нога’ (*Нога вся, полностью нога – пильге называется*,ср. эрзя *пильге* ‘нога’⁷); *сёди* ‘сердце’ (*Сердце называли седи*,ср. эрзя *седей* ‘сердце’⁸); *поте* ‘грудь’ (ср. эрзя *поте* ‘грудь (женская)’⁹); *кырга* шея (ср. эрзя *кирьгэ* ‘шея; горло’, мокша *крга* ‘шея; горло’¹⁰), *сельме* глаз (ср. эрзя *сельме* ‘глаз’¹¹) и др. К заимствованиям из эрзя относится и приведённая выше лексема *каряз* ‘спина’, эрзя *каряз* 1) ‘спина’, 2) ‘позвоночник’, 3) ‘поясница’¹², эта лексема хорошо известна в сёлах Барановка и Телятниково, имеется и производная лексема *карязник* ‘человек, у которого болит спина’: *Эт вот Мишка наши гъварил, он в бал’ницы лежал, гъварил: я с карязникими лежжу.* Барановка Николаев.

Отметим также, что для **сердца** зафиксированы экспрессивные наименования, но без отрицательных коннотаций: *ретивое* (*Ox, што-та ретивое у меня заходица.* Крестово-Городище Чердаклин.; зафиксировано в БАС с пометой *Народно-поэт.*)¹³; *мотёр* (*Это в шутку, конечно, но могли сказать, что мотор барахлит.* Барановка Николаев.). Экспрессивный характер наименований сердца обусловлен как источником этих лексем (народно-поэтическая речь и метафорический перенос), так и словесным и ситуативным контекстом: употреблением в составе устойчивых оборотов (*ретивое заходится и мотор барахлит*) в эмотивном речевом акте.

Далее обратимся к функционально значимым частям тела, получившим многочис-

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. Москва; Ленинград, 1948–1965 (в тексте – БАС). Т. 4. С. 558.

² БАС. Т. 8. С. 1185.

³ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021 (в тексте – СРНГ). Вып. 24. С. 68.

⁴ СРНГ. Вып. 32. С. 140.

⁵ БАС. Т. 3. С. 1209.

⁶ БАС. Т. 4. С. 147.

⁷ Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова и др. Москва: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с. (в тексте – ЭРС). С. 480.

⁸ Там же. С. 573.

⁹ Там же. С. 503.

¹⁰ ЭРС. С. 266; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. Москва: Рус. яз., Дигора, 1998. С. 290.

¹¹ ЭРС. С. 578.

¹² Там же. С. 238.

¹³ БАС. Т. 12. С. 1252.

ленные экспрессивные обозначения, это голова, прежде всего, лицо и его наиболее выделяющиеся элементы: глаза, нос, рот (губы), также к таким частям тела относятся руки, ноги, живот, ягодицы. Е.В. Брысина и Р.И. Кудряшова характеризуют такие группы номинаций, как динамичные по составу: «незамкнутость, подвижность, открытость этой группы соматической лексики проявляется в потенциальной способности её пополнения новыми словами» [6, с. 262].

Для обозначения **головы** в говорах Симбирского Поволжья нами зафиксированы два наиболее частотных экспрессивных наименования – **башка** и **калган**. Отметим, что в диалектной речи эти лексемы не имеют какой-либо негативной окраски, представляют собой просторечное, с грубоватым оттенком обозначение головы: *Голаву у нас называли калган, башка.* Барановка Николаев.; *Пъдни-ми калган-та, пасмотр!* Крестово-Городище Чердаклин. Лексема *башка* с пометой *просторечное* представлено в БАС¹⁴. Лексема *калган* зафиксирована в СРНГ с территориальными пометами Перм., Том., Хакас., Краснояр., Пенз., Куйбыш., Ульян., Моск., Свердл., Ср. Урал, Краснояр.¹⁵ В эрзя-мордовском языке находим: *колган* ‘череп’, *пря колган* ‘голова’¹⁶, вероятно, эрзянское слово заимствовано из русского языка. Были отмечены и другие разговорные и просторечные наименования головы, в основе которых лежит метафорический перенос (*котелок, тыква* и др.).

Из наименований **лица** наиболее употребительными являются лексемы **мόрда** и **мурло**. Лексема *морда* в БАС в значении ‘лицо человека’ имеет помету *грубо простореч.*¹⁷, при этом, как было указано выше, в говорах данная лексема является стилистически нейтральной. Лексема *мурло* в БАС приводится с пометой *Простореч.* и значением ‘о лице человека (обычно широком, толстом)’¹⁸. В говорах данная лексема используется с ироническим оттенком: *Люб, дай мне*

личыко тваё в магазин схадит! *Тваё дай, а маё мурло, мол, ваз'ми, фсё равно ты тут капаешься с нём.* Астрадамовка Сур. [7, т. 2, с. 624]. Также зафиксировано производное слово *мурлышка* с уменьшительно-ласкальным значением ‘личико, мордочка’: *Што ш ты так завáрзалаς* ‘иди-къ суда, я тебя запонам-та утру, мурлышику-тъ твою! Крестово-Городище Чердаклин.

Глаза, как самая выразительная в социальном взаимодействии часть лица, в русских говорах получили значительное число экспрессивных наименований, что отражено в отдельных, посвящённых диалектным наименованиям глаз, научных статьях [8; 9]. М.О. Леонтьева полагает, что негативную экспрессивную номинацию получают, как правило, вытаращенные глаза в определённых речевых ситуациях. Такие номинации «встречаются в составе однотипных по структуре возгласов в адрес собеседника, который, по мнению говорящего, ведёт себя неподобающим образом» [9, с. 412]. Действительно, значительная часть экспрессивных наименований глаз в говорах используется в сочетании с глаголом *вытаращить* (иногда *выпучить*): *Што ты вытарашишыл зенки, глядии на меня!* Рязаново Мелекес.; *Выпучыла буркалы-тъ свои!* Крестово-Городище Чердаклин.; *Ну вытарашишыла свои лупозены!* Рязаново Мелекес.

Некоторые употребительные в говорах Симбирского Поволжья экспрессивные обозначения глаз зафиксированы в БАС с пометами «просторечное», «уничижительное» и «презрительное»:

бёльмы – зафиксировано в БАС с указанием «в просторечии и обл. <...> (уничиж.)»¹⁹;

буркалы – в БАС: «в просторечии глаза (в презрительном или насмешливом смысле)»²⁰, там же приводятся иллюстрации из произведений М. Горького; также зафиксирован фонетический вариант *буруклы* (Верхняя Маза Радищев.);

зёнки – зафиксировано в БАС с комментарием «простореч. То же, что глаза» и с иллюстрациями из произведений писателей

¹⁴ БАС. Т. 1. С. 301.

¹⁵ СРНГ. Вып. 12. С. 342.

¹⁶ ЭРС. С. 277.

¹⁷ БАС. Т. 6. С. 1255.

¹⁸ Там же. С. 1374.

¹⁹ БАС. Т. 1. С. 390.

²⁰ Там же. С. 698.

Повожья – П.И. Мельникова-Печерского, М. Горького, Е.Н. Чирикова²¹;

глайдёлки – зафиксировано в БАС с указанием «в просторечии и обл.»²².

Т.Е. Никулина характеризует как «реликт прошлого» экспрессивное наименование *лупыши*, соседствующее с номинациями *глаза* и *зенки*. Однако приводимые автором данные свидетельствуют о высокой активности данного корня (*луп-*) для экспрессивной номинации глаз в костромских говорах: «представлен словообразовательный синонимический ряд *лупыши* – *лупаны* – *лупетки* в значении ‘глаза’, однокоренные слова *лупыч* и *лупоглаз* ‘человек с большими навыкат глазами’» [4, с. 316].

Мотивирующая основа этих слов – глагол *лупить* – приводится в БАС с пометой *Простореч.* и значением «Широко раскрывать, таращить. О глазах.», там же есть и общеупотребительное слово *лупоглазый* (*Простореч.* «С глазами на выкате; с большими круглыми глазами»), а также *лупоглазенький* (*Простореч.* *Ласк. к лупоглазый*)²³.

В наших материалах зафиксировано несколько экспрессивных производных общерусского глагола: *лупозёны* ‘глаза (большие, выпученные)’: *Ну вытарашила свои лупозёны!* Рязаново Мелекес.; *луполки* (Верхняя Маза Радищев.); *лупёшки* (Глаза – и гляделки гаварили на глаза, зенки, лупошки. Барановка Николаев.). Лексема *луполы* (*луполки*) с вариантами зафиксирована в СРНГ²⁴, в целом же многочисленные производные от глагола *лупить* можно считать интердиалектными словами. Узколокальных наименований для глаз в наших материалах не зафиксировано, диалектносители используют просторечные и интердиалектные слова.

Похожая ситуация выявляется для обозначения **носа** в русских говорах Симбирского Поволжья. Для экспрессивной номинации носа используются просторечные лексемы:

шнобель ‘большой нос’: *Если нос тарчит сильна, то скажут: «Вон какой у него шнобель».* Барановка Николаев.;

²¹ БАС. Т. 4. С. 1213.

²² БАС. Т. 3. С. 165.

²³ БАС. Т. 6. С. 399.

²⁴ СРНГ. Вып. 17. С. 198.

сопатка (груб.) ‘нос’: *Щас как поросну по сопатке-та, умоешся кровью!* Крестово-Городище Чердаклин., приводится в БАС с пометой *Грубо простореч.*²⁵;

сопельник ‘нос’: *Утри сопел’ник-та!* Крестово-Городище Чердаклин., просторечная лексема, не зафиксирована в БАС.

Лексемы *сопатка* и *сопельник* являются производными от глагола *сопеть* ‘издавать носом свистящие звуки’²⁶. Лексема *сопатка*, как правило, используется в определённых речевых ситуациях в составе однотипных по структуре сочетаний типа *полоснуть* (*пороснуть*), *съездить*, *треснуть по сопатке*²⁷.

Для экспрессивной номинации **рта** и **губ** в русских говорах Симбирского Поволжья используются лексемы, зафиксированные в СРНГ:

хабальник ‘рот’: Да «не разевай хабал’ник-та!» могли сказать’. Красная Река Старомайн.; *Што разинул хабал’ник?* Большая Кандала Старомайн.; приводится в СРНГ с иллюстрацией «Хабальник-то открыл, визжишь-то чего, чего ругаешься? Кириш. Ленингр., 2005»²⁸; чаще всего используется в устойчивом сочетании *разинуть* (*раскрыть, открыть*) *хабальник* ‘начать кричать, ругаться’;

хайлó (груб.) ‘рот’: *Он вет’ как раскроит своё хайлó...* Крестово-Городище Чердаклин.; есть в СРНГ в значениях ‘рот, горло, глотка; пасть’, с территориальными пометами Волог., Олон., КАССР, Сев.-Двин., Арх., Твер., Калин., Влад., Яросл., Ряз., Калуж., Курск., Пенз., Сарат. Волж.-Свияж., Морд. Ворон., Краснодар., Симб., Вят. и др.²⁹; лексема является интердиалектной, зафиксирована в таком же значении у владимирских и костромских оленей [10, с. 661];

сусалы ‘рот, губы’: *Вытри сусалы-та!* Крестово-Городище Чердаклин.; есть в СРНГ в значениях ‘рот’ (*Что сусалы-то разинул?* Яросл.), ‘губы’ (Иван.), ‘нижняя часть лица’

²⁵ БАС. Т. 14. С. 288.

²⁶ Там же. С. 292.

²⁷ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 2. Санкт-Петербург: Наука, 2013 (в тексте – СРНГ). С. 1206.

²⁸ СРНГ. Вып. 49. С. 215.

²⁹ Там же. С. 240.

(Яросл.)³⁰; в СРГМ приводится устойчивое сочетание *дать по сусалам* в значении ‘ударить по скулам’³¹; в донских говорах фиксируется в значении ‘скулы’ с иллюстрациями *Сусалы выти!* и *дать по сусалам*, в тульских говорах – ‘щёки, скулы’, в «Кашинском словаре»: ‘губы, лицо, рожа’ [11, с. 578; 12, с. 261; 13, с. 169]; таким образом, данная лексема преимущественно используется в устойчивых сочетаниях *сусалы выти* и *дать по сусалам*, что, на наш взгляд, свидетельствует о диффузной семантике, связанной с губами и нижней частью лица;

брывы ‘губы’: У нас мамка фсё время гъоворила: чо брывы-тъ накрасили краснай краскай? Рязаново Мелекес. Как вот щас дам по брываем! Рязаново Мелекес.; в СРНГ представлено в вариантах *брывé*, *брывí* ‘губы у человека’ и с иллюстрациями «Ударил по брываем». Тамб., Курск. Чего брывé -то распустил? Подбери брывé! Тул.», а также *брывы* ‘щёки’ Яросл., Тамб. и ‘лицо’ Дон.³²;

брюлы ‘губы’: Падбери брюлы-та, распустила! Крестово-Городище Чердаклин., в СРНГ зафиксировано: *брюлá* ‘нижняя губа’ с пометами Черепов., Новг.; *брюли* ‘слюни, текущие у детей, когда они плачут’ с иллюстрацией «Что брюли-то распустил? Онеж. Арх., 1885»³³.

Иллюстративный материал свидетельствует о том, что экспрессивные лексемы *брывы* и *брюлы* используются чаще всего в составе устойчивых сочетаний *подбери брывы* (*брюлы*), *брывы* (*брюлы*) *распустил(a)*, как правило, в значении ‘перестань ныть, реветь’, а также в составе выражения *дать по брываем ‘наказать’*.

Отметим и ещё одно зафиксированное нами значение лексемы *брывы* – ‘брови’: Тамара-тъ наша брывы-тъ апостила, как сердитый такой человек (показывает на брови). Когда ана такая не в настроении, мы гаварим, брывы-та апостила приехала. Барановка Николаев. Таким образом, данной экспрессивной лексемой может быть обозначено всё, что выделяется, свисает на поверхности

лица, часто используются сочетания *распустила брылы*, *опустила брылы*. Аналогичное значение зафиксировано в говорах Самарской области для лексемы *брывá* – ‘брови’: Вон пошёл, брыва навесил – обиделся, значит (Приволж.) [14, с. 30].

К лексемам *брывы* и *брюлы* по формальным и семантическим признакам примыкает лексема *брывжжый* ‘нижняя часть полных щёк’, которая тоже обозначает выделяющуюся, свисающую часть лица: Брыжжыста пасмотри какие у нево. Крестово-Городище Чердаклин. Развесил, гът, брыжжы свои, как у свин’и! Рязаново Мелекес. Лексема не зафиксирована в БАС, в СРНГ приводится в значении ‘оборки на одежде’.

В целом экспрессивные номинации рта, губ содержат негативные коннотации, связанные губы, рот с источником таких неприятных проявлений поведения человека, как крик, плач, ругань.

Для такой важной части лица, как *уши* в наших материалах зафиксирована только одна нелитературная номинация *слышалки*: Уши у нас слышалки называли. Барановка Николаев.

Для наименований волос, помимо литературной, преимущественно используется просторечная лексика: *патлы* (также *пата-лы*), *лохмы*, *космы*; для залысин – *плешина*, *проплешина*.

Один из самых больших синонимических рядов в сфере анатомической лексики составляют наименования *рук*. С.В. Барацевич пишет: «В семантической структуре диалектизмов данной подгруппы имеется сразу несколько значимых участков: это семантика действия, связанная с процессом трудовой деятельности, и различные ассоциативные связи, устанавливаемые языковым сознанием носителей языка в результате восприятия формы, размера и других значимых характеристик конечностей тела и их сопоставления с объектами хозяйственного и бытового окружения» [15, с. 104]. В этой подгруппе анатомической лексики большая часть единиц относится диалектизмам. Помимо просторечного общеупотребительного *лапы*, в говорах Симбирского Поволжья зафиксированы

³⁰ СРНГ. Вып. 42. С. 294.

³¹ СРГМ. Ч. 2. С. 1275.

³² СРНГ. Вып. 3. С. 217.

³³ Там же. С. 222.

следующие, как правило, экспрессивные, наименования рук:

каляпы ‘руки’ (Верхняя Маза Радищев.), лексема отсутствует в БАС, СРНГ; в русских говорах Мордовии приводится в значении ‘пальцы рук и ног’³⁴; в костромских говорах зафиксированы **каляпы** ‘руки’ [4, с. 314] и **коляпки** ‘руки’: «Что вот у тебя – руки или коляпки? Он делает, а у него из рук падает» (Костр.) [5, с. 60];

клипсы (груб.) ‘руки’: Чэво ты суёш свои... цапли, клипсы. Тожэ звали «клипсы» руки. Красная Река Старомайн.; в СРНГ приводится **клипы** ‘о руках’ с территориальными пометами Кинеш. Костром.³⁵; в русских говорах Мордовии зафиксирована лексема **клипа** – «Экспр. Рука»³⁶; в ярославских говорах отмечены лексемы **клыпа** и **клипа** – «Пренебр. Рука»³⁷;

краги (груб.) ‘руки’: Убери свои краги! Куда тянеши свои краги! Рязаново Мелекес.; лексема отсутствует в БАС, СРНГ; возможен метонимический перенос значения: **краги** – ‘кожаные или меховые рукавицы’³⁸;

пакши ‘руки’: Руки вот бабушка называла пакши. Барановка Николаев.; в СРНГ приводится **пакша** со значениями ‘рука, кисть руки’ (с пометами Арх., Новг., Вят., Краснояр.), ‘ручища, лапища’ (Арх., Беломор., Вят.), ‘левая рука’ (Новг.), ‘ладонь’ (Арх.), ‘трязная рука’ (Арх.)³⁹;

³⁴ СРГМ. Ч. 1. С. 342.

³⁵ СРНГ. Вып. 13. С. 299.

³⁶ СРГМ. Ч. 1. С. 374; Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия: в 2 ч. / авт.-сост. А.И. Витов и др., под общ. ред. Э.Н. Акимовой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022 (в тексте – СГСС). Ч. 1. С. 310.

³⁷ Ярославский областной словарь: в 10 т. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991 (в тексте – ЯОС). Т. 5. С. 38; Ярославский областной словарь. Дополнения: в 2 т. / сост. М.Т. Афанасьева и др. Ярославль: РИО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015 (в тексте – ЯОСД). Т. 1. С. 306.

³⁸ Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская и др. Вып. 1–28. Ленинград/Санкт-Петербург, 1967–2020. Вып. 16. С. 53; Словарь говоров Русского Севера / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького; авт.-сост. Ю.В. Алабугина и др.; под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018. Т. 1–7. Т. 6. С. 130.

³⁹ СРНГ. Вып. 25. С. 162.

лексемы **цапли, цапки, цапы**: Куды ты тяниши-та сваи цапки? Крестово-Городище Чердаклин.; в СРНГ приводится **цапли** (Чего цапли выставляешь? Морд.)⁴⁰; лексемы являются производными от глагола **цапать** ‘хватать’ – наименование по функциональному признаку, по основному выполняемому действию.

Отдельно укажем диалектное наименование левой руки – **люкиша**: Опят’ люкишой еши, воз’ми лошку ф правую руку! Крестово-Городище Чердаклин. Данная лексема зафиксирована в СРНГ в значении ‘левая рука’ и с территориальными пометами Твер., Нижегор., Симб. Эта же лексема имеет второе значение – ‘левша’, в СРНГ для этого значения приводятся пометы: Твер., Нижегор., Симб., Новг., Пенз., Сарат., Самар., Оренб., Уральск⁴¹.

Диалектные наименования рук представляют собой экспрессивные наименования неловких, неумелых рук (**каляпы**) или ситуативную реакцию на нежелательное действие, в составе устойчивых оборотов типа *куда тянеши (суёшь) свои пакши (краги, цапки), убери свои пакши (краги, цапки)*.

Ещё одну значительную группу лексем составляют наименования **ног** и их частей. Ввиду важности этой части тела в процессах трудовой деятельности и в социальном взаимодействии, а также при восприятии внешности человека существуют различные по способу номинации синонимы к слову *ноги*:

итиги (экспр.) ‘ноги’: Ноги – итиги, бабушка у нас гаварила: что вытянул сваи итиги? Барановка Николаев.; фонетически вариантная лексема **ичиги** со значением ‘кожаная обувь без каблуков’ присутствует в СРНГ, пометы указывают на её использование на территории Сибири⁴²; в данном случае, видимо, имеется результат метонимического переноса;

жерди (экспр.) ‘длинные ноги’: А то: убери сваи жерди! Барановка Николаев.; лексема является результатом метафорического переноса на основе внешнего сходства;

⁴⁰ СРНГ. Вып. 52. С. 275.

⁴¹ СРНГ. Вып. 17. С. 244.

⁴² СРНГ. Вып. 12. С. 274.

лýтки (экспр.) ‘длинные ноги’: *Отрастила лытки-ть, убери!* Крестово-Городище Чердаклин.; лексема присутствует в БАС с пометой *Простореч.* в значении ‘икры, голени’,⁴³;

мослы́ (экспр.) ‘худые, длинные ноги’: *Худые ноги – маслы: убери сваи маслы!* Барановка Николаев.; в БАС находим *мосол* с пометой *Простореч.* в значении ‘большая кость, преимущественно бедренная, большой сустав; вообще – выступающая кость’⁴⁴; используется в переносном значении;

мосолóк (уменьш.-ласк.) ‘косточка, сустав’: *Там вон шишкилка вом мъсолкí таке .* Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч.* Уменын.-ласк. к *мосол*⁴⁵;

оглобли (экспр.) ‘ноги’: *Длинноногая, свои оглобли убери!* Барановка Николаев.; лексема представляет собой результат метафорического переноса на основе внешнего сходства;

пильге ‘нога’: *Нога вся, полностью нога – пильге называется.* Телятниково Николаев.; субстратная лексема из эрзямордовского языка, ср. эрзя *пильге* ‘нога’,⁴⁶;

ходуны, ходунки ‘ноги’: *Ой, ходунки болят. Ходунки. Ходунки мои. Вот пожилье: ходуны-то болят у меня уже.* Барановка Николаев.; лексемы мотивированы глаголом *ходить*, представляют собой номинацию по функциональному признаку;

швырлáны (экспр.) ‘ноги’: *Ноги швырлапы вом звали.* Большая Кандала Старомайн.; производное от лексемы *лапы*;

лáпа (экспр.) ‘ступня, нижняя часть ноги до щиколотки’: *Там вон шишкилка вом мосолки таке. Там вом лапа, а эта вом шишкилки пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч.* ‘о руке, ноге человека’⁴⁷;

голяшка ‘голень’: *У меня голяшки зябнут.* Красная Река Старомайн.; лексема представлена в БАС с пометой «В просторечии и обл.» ‘то же, что голень; голые икры ног’⁴⁸;

щиколка ‘щиковатка’: *Там вом лата, а эта вом шишкилки пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч.* и значением ‘лодыжка’⁴⁹.

Помимо указанных выше, в отношении ног в целом используются и такие экспрессивные просторечные названия, как *лапы, копыта.* Чаще всего экспрессивные номинации используются в составе устойчивых сочетаний типа *убери (подвиль) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы)* или *вытянул (отрастил, рассставил) итиги (лытки, оглобли).*

Способы номинации ног в говорах Симбирского Поволжья отличаются большим разнообразием: это и зооморфные наименования (*лапы, швырлапы, копыта*), различные способы переноса наименований (*жерди, оглобли, итиги, мослы, мосолки*), отлагольные производные функционального характера (*ходуны, ходунки*). С ареальной точки зрения среди наименований ног зафиксировано незначительное число диалектных слов: *итиги, пильге, швырлапы*; к интердиалектным лексемам можно отнести слова *голяшка* и *щиковатка*. Остальные слова можно квалифицировать как просторечные (*лытки, мослы, ходунки, лапы, оглобли*).

Туловище человека имеет две выделяющиеся, выступающие части, тесно связанные с функционированием внутренних органов и здоровьем – это живот спереди и ягодицы сзади. **Живот** – это ещё одна часть тела, имеющая экспрессивные наименования, как правило, они относятся к большому, выделяющемуся животу. При этом значимое для литературного языка разграничение внешних и внутренних органов и выделение различных органов в системе пищеварения не является столь же важным и необходимым в лексической системе говоров. Внешние характеристики живота в говорах зачастую тесно взаимосвязаны с качеством работы внутренних органов пищеварения: проблемы во внутренних органах и переедание приводят к увеличению внешнего объёма живота. «Названные причины способствуют возникновению в сознании носителей языка ассоциативных связей между животом и желудком и

⁴³ БАС. Т. 6. С. 413.

⁴⁴ Там же. С. 1287.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЭРС. С. 480.

⁴⁷ БАС. Т. 6. С. 59.

⁴⁸ БАС. Т. 3. С. 210.

⁴⁹ БАС. Т. 17. С. 1690.

развитию полисемантизма лексем, называющих эти части тела» [1, с. 42]. В связи с чем С.В. Барацевич находит целесообразным рассматривать диалектизмы, называющие живот и желудок, вместе [1, с. 42].

Помимо общеупотребительных лексем *брюхо* и *пузо*, зафиксированы следующие диалектные наименования живота:

кéзево (экспр.) ‘живот, брюхо’: *Жывот – кезева: апрастил кезева!* Барановка Николаев.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Нижегор., Влад., Моск. Вост., Самар., Пенз., Ворон., Урал, Олон.⁵⁰; также отмечено в СПГ: *кезево* ‘живот, брюхо’; в СРГМ: *кéзев*, *кéзево*, *кéсево* ‘живот’; в СГСС: *кесево*, *кезево* ‘живот’,⁵¹;

кéзя (экспр.) ‘живот, брюхо’: *Вот эта кезю наел!* Барановка Николаев.; в СРНГ приводится *Кезя* ‘прозвище человека с большим брюхом, брюхан’ с территориальными пометами Черепов., Новг., а также имеются словообразовательные и грамматические варианты *кезюк* ‘живот, брюхо’ (Пск., Твер., Костром.), *кезо* ‘большой живот, брюхо’ (Яросл.), *кезуля* ‘живот, брюхо’ (Олон.).⁵²;

тéзево (экспр.) ‘живот, брюхо’: *Вон он идёт, тезива-ть распустил! Твоё тезива и камнями-та не прокормши!* Крестово-Городище Чердаклин.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Влад., Новг., Нижегор., Симб., Пенз., Самар., Вост. Закамье⁵³; также зафиксировано в русских говорах Поволжья и смоленских говорах в значении ‘живот, брюхо’.⁵⁴.

Для выявления источника указанных лексем обратимся к данным, приведённым в монографии М.Н. Приёмышевой «Тайные и ус-

ловные языки в России XIX в.» (Санкт-Петербург, 2009): в словниках арготической лексики торговцев г. Нерехты Костромской губернии находим: ‘брюхо’ – *кéзик*, *кéзюк* [10, с. 116]; в словниках арготической лексики торговцев г. Кашина Тверской губернии находим: ‘брюхо, пузо, живот’ – *кéзо* [10, с. 138].

Таким образом, источником лексем *кезево*, *кезя*, *кезо*, *кезюк* может быть арготическая лексика торговцев Костромской и Тверской губерний. Лексема *тезево* могла возникнуть в результате фонетического изменения *к' > т'* (*к'езево > т'езево*), что является характерной фонетической особенностью для русских говоров в Симбирском Поволжье: *рук'и > рут'и, ног'и > нод'и*.

В ситуациях, когда информанты жалуются на дискомфорт внутри, в системе пищеварения, используется соответствующая лексика, связанная с внутренними органами. Семантика таких лексем не соотносится с отдельными анатомическими терминами (желудок, кишечник, поджелудочная, печень), синкетично включает либо часть, либо всю систему пищеварения:

требухá ‘кишечник, органы пищеварения’: *Чэм ты меня накормила: аш фся требуха болит!* Крестово-Городище Чердаклин.; приводится в БАС с толкованием «Простореч. О внутренностях человека»⁵⁵;

нутró ‘живот, внутренности’: *Моя мама фсегда гъворила: фсё нутро ломит, фсё нутро болит.* Рязаново Мелекес.; отмечено в БАС с толкованием «Простореч. Внутренние органы человека»⁵⁶;

фонематические варианты: **нутrá** ‘живот, внутренности’: *У нево сгнила фся нутра.* Красная Река Старомайн.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Орл., Вят.⁵⁷;

нутрё ‘живот, внутренности’: *В жыва-те – нутрё: ой, нутрё балит!* Барановка Николаев.; в СРНГ зафиксировано с территориальными пометами Тул., Орл., Ворон., Дон., Ряз., Пенз., Тамб., Смол., Калуж.⁵⁸.

⁵⁰ СРНГ. Вып. 13. С. 175.

⁵¹ Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002 (в тексте – СПГ). Т. 1. С. 386; СРГМ. Ч. 1. С. 359; СГСС. Ч. 2. С. 302.

⁵² СРНГ. Вып. 13. С. 176.

⁵³ СРНГ. Вып. 43. С. 337.

⁵⁴ Диалектный словарь Нижегородской области / редкол. Л.А. Климкова и др. Вып. 1–2. Нижний Новгород, 2013–2014. Вып. 2. С. 14; *Моисеенко М.Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья. Казань, 2002. С. 137; Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой, Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 10. С. 174; ЯОСД. Т. 2. С. 316.

⁵⁵ БАС. Т. 15. С. 858.

⁵⁶ БАС. Т. 7. С. 1454.

⁵⁷ СРНГ. Вып. 21. С. 318.

⁵⁸ Там же.

Следует отметить, что наименования внутренних органов используются преимущественно в устойчивых сочетаниях типа *нутро (требуха) болит (ноет, ломит)*.

Наименования **ягодиц** чаще всего отражают функциональные и визуальные особенности этой части тела. Так, общеупотребительная лексема *гузнó* источником происхождения имеет индоевропейский корень с семантикой ‘бугор, ком, нарост’ [16, с. 471]. Семантика наименований ягодиц в русских говорах отражает такие характеристики, как значительный объём, размер, а также функциональная характеристика ягодиц, как средства размещения человека на ограниченной поверхности. В говорах Симбирского Поволжья, помимо частотных грубо-просторечных наименований, были зафиксированы следующие лексемы:

гузнó ‘седалище у человека или животного’: *Куда гузно-та своё приткнут?* Крестово-Городище Чердаклин.; приводится в БАС с пометой «*В просторечии: Зад у человека или животного*»⁵⁹;

кормá (экспр.) ‘ягодицы’: *Зат – карма: падвин’ сваю карму!* Барановка Николаев.; не отмечено в СРНГ, БАС, лексема является результатом метафорического переноса значения;

тононó (экспр.) ‘ягодицы’: *Прижми танано-та, подвин’ся!* Крестово-Городище Чердаклин.; диалектная лексема, является узколокальной, в словарях не зафиксирована.

Вновь отметим тяготение приведённых лексем к определённым контекстам: *подвинь (прижми) гузно (кормую, тононо)*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения соматической лексики в говорах Симбирского Поволжья, необходимо ещё раз остановиться на важнейших её особенностях. Во-первых, данную тематическую группу следует анализировать в функциональном аспекте. Тогда можно заметить, что в нейтральных контекстах используется общеупотребительная нормативная лексика. В то же время в неко-

торых типизированных ситуациях, в оценочных (порицающих) или директивных речевых актах с эмоциональной компонентой у диалектносителей появляется потребность в дополнительных экспрессивных средствах для номинации частей тела. Прежде всего это относится к наиболее значимым частям тела как в функциональном отношении (руки, ноги), так и в социальном плане, например, для установления контакта и поддержания взаимодействия (голова, глаза, рот). Также выявляется потребность в дополнительных эмоционально окрашенных средствах для реализации выделительно-дифференцирующей функции номинаций таких частей тела, как живот, нос, губы и т. д.

При этом экспрессивное использование соматизмов, как правило, ограничивается рамками определённых устойчивых конструкций с вариативными компонентами (*куда тянешь (суёшь) свои пакии (краги, цапки), убери (подвинь) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы), ретивое заходится, мотор барахлит*) и т. д. При этом в лексико-семантических группах (синонимических рядах) с преимущественно экспрессивными номинациями в рамках определённых типизированных оборотов используется большей частью общеупотребительная просторечная лексика: *мурло, лапы, брылы, мослы, сопатка* и др., часть которой в толковом словаре (БАС) имеет помету «*Грубое*». В сельском социуме подобная лексика зачастую имеет скорее ироническую или просто шутливую окрашенность, ср. использование таких лексем, как *мурлышка, сопатка, кезя, лапы* и др. в шуточном обращении к детям.

Однако в некоторых подгруппах соматизмов зафиксирована и диалектная лексика. Наибольшее число диалектизмов отмечено среди экспрессивных наименований рук (*каляпы, клипсы, краги, цапли, пакии* и др.), живота (*тезево, кезево, кезя*; также грамматический и фонематический диалектизмы *нутра, нутрё*), рта, губ (*брюлы, сусалы, хайлло, хабальник*). Единичные диалектные элементы выявлены среди наименований ягодиц (*тононó*), ног (*итиги*), спины (*каряз*), позвоночника (*прозвоночник*), глаз (*лупозены, лупошки*).

⁵⁹ БАС. Т. 3. С. 475.

Список источников

1. Барацевич С.Б. Названия частей туловища человека в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 36-48. <https://elibrary.ru/swrbdd>
2. Мазалова Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2001. 192 с. <https://elibrary.ru/qjbbzr>
3. Гришанова В.Н. Анatomические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. Санкт-Петербург: Наука, 2003. С. 59-65. <https://elibrary.ru/qquesf>
4. Никулина Т.Е. К специфике функционирования анатомической лексики в костромских говорах (на материале речи пыщуган) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. С. 310-317. <https://elibrary.ru/swqwav>
5. Леонтьева М.О. К изучению семантических особенностей соматической лексики Русского Севера // Актуальные вопросы филологической науки XXI века, сб. ст. VII Международной научной конференции молодых учёных. Часть I. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2018. С. 58-64. <https://elibrary.ru/xrtpbz>
6. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Соматическая лексика в донских говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 260-266. <https://elibrary.ru/tjqqqh>
7. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т. 2 / колл. авт. И.С. Кызласова, А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. Москва: Индрик, 2012. 662 с. <https://elibrary.ru/qpxrkn>
8. Барацевич С.В. Диалектные названия глаз в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 280-286. <https://elibrary.ru/ysvavu>
9. Леонтьева М.О. Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2019. № 13. С. 411-424. <https://elibrary.ru/olbqup>
10. Приёмщикова М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 2: Приложения. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 711 с. <https://elibrary.ru/ubaykj>
11. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 703 с. <https://elibrary.ru/qwxzd>
12. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 3 (по итогам диалектологических экспедиций и разысканий 2010 г.) / Д.А. Романов, Н.А. Красовская. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 285 с. <https://elibrary.ru/rasopp>
13. Смирнов И.Т. Кашинский словарь. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1901. 212 с.
14. Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара, 2020. 191 с. <https://elibrary.ru/gkaaab>
15. Барацевич С.Б. Названия рук и их частей в орловских говорах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 103-112. <https://elibrary.ru/pjcbgb>
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. Москва: Прогресс, 1987. 576 с.

References

1. Baratsevich S.B. Names of human body parts in the Orel dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2013 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2013.* St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 36-48. (In Russ). <https://elibrary.ru/swrbdd>
2. Mazalova N.E. *Human Composition: The Human Being in Traditional Russian Somatic Conceptions.* St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 192 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/qjbbz>
3. Grishanova V.N. Anatomical names in the dialect of one village. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2000 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2000.* St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 59-65. (In Russ). <https://elibrary.ru/qquesf>
4. Nikulina T.E. On the Specifics of the functioning of anatomical vocabulary in the Kostroma dialects (based on the speech of the pyshchugans). *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2012.* St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 310-317. (In Russ). <https://elibrary.ru/swqwav>
5. Leonteva M.O. To the study of the semantic features of somatic vocabulary of the Russian North. *Shornik stately VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh «Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka». Chast' I = Collection of articles from the 7th International Scientific Conference of Young Scientists "Current Issues of Philological Science in the 21st Century".* Yekaterinburg, "Izdatel'stvo UMTs UPI" LLC, 2018, ch. 1, pp. 58-64. (In Russ). <https://elibrary.ru/xrtpbz>
6. Brysina E.V., Kudryashova R.I. Somatic vocabulary in the Don dialects of the Volgograd region. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2001–2004.* St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 260-266. (In Russ). <https://elibrary.ru/tjqqqh>
7. Kyzlasova I.S., Lipatova A.P., Matlin M.G. et. al. *The Traditional Culture of the Ulyanovsk Prisurye. The Ethnodialect Dictionary.* Vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 2012, 662 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/qpqrkn>
8. Baratsevich S.V. Dialectal names for eyes in the Oryol dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2008.* St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 280-286. (In Russ). <https://elibrary.ru/ysvavu>
9. Leonteva M.O. Eyes designations with pejorative semantics in Russian dialects from semantical and motivational viewpoint. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2019.* St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2019, pp. 411-424. (In Russ). <https://elibrary.ru/olbqup>
10. Priemysheva M.N. *Secret and Conventional Languages in 19th-Century Russia. Part 2: Appendices.* St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, 711 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/ubaykj>
11. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. *Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region: approximately 17,000 words.* Volgograd, Izdatel' Publ., 2011, 703 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/qwpxdz>
12. Romanov D.A., Krasovskaya N.A. *Materials for the Dictionary of Tula Dialects. Part 3 (Based on the Results of Dialectological Expeditions and Research in 2010).* Tula, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University Publ. House, 2011, 285 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/rasopp>
13. Smirnov I.T. *Kashin Dictionary.* St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1901, 212 p. (In Russ).
14. Bazhenova T.E. *Thematic Dictionary of Samara Dialects.* Samara, 2020, 191 p. (In Russ). <https://elibrary.ru/gkaaab>
15. Baratsevich S.B. The nominations of arms and parts of the arms in Orel dialects. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal,* 2012, vol. 1, no. 4, pp. 103-112. (In Russ). <https://elibrary.ru/pjcbgb>
16. Vasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1.* Moscow, Progress Publ., 1987, 576 p. (In Russ).

Информация об авторе

МЫЗНИКОВА Янина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: [5287-5976](#), РИНЦ AuthorID [335849](#), ResearcherID: C-2422-2016, Scopus Author ID: [57219246323](#), <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>, y.myznikova@spbu.ru

Поступила в редакцию 18.10.2025

Поступила после рецензирования 15.11.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Yanina V. Myznikova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Russian Language Department, Saint Petersburg State University, Russian Federation, SPIN-code: [5287-5976](#), RSCI AuthorID [335849](#), ResearcherID: [C-2422-2016](#), Scopus Author ID: [57219246323](#), <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>, y.myznikova@spbu.ru

Received 18.10.2025

Revised 15.11.2025

Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.